

RECORDING ARTISTS OF ALL CASTES IN INDIA

Calcutta, Madras and Bombay—A Recording Expedition of Over 12,000 Miles, Recording Only Oriental Artists—A Most Interesting Experience in Far Off Lands.

By T. J. THEOBALD NOBLE, a Prominent European Talking Machine Recorder.

Whilst in Turkestan (Central Asia), I received cables to the effect, "Will you oblige the company in going from Tashkent to Calcutta?" It is important that you reach Calcutta in time to record for this season's market. Book from Tashkent directly to Calcutta; it is better than returning to Europe to embark only at Marseilles or London." The emphasis is mine, for one only had to consult a map (physically) of Asia to see how impossible and ridiculous such a suggestion was.

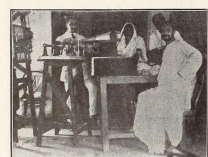

Recording in Pyjamas, Madras.

I replied to the sender (an American, strange to say), "Send along a Zepplin and 13 risk it," and followed that up with another saying "I was returning to Moscow, there to enjoy a rest after recording in a territory such as Turkestan, where they have not yet even the rude forms of civilization such as are found in West Africa."

On arriving in Moscow I received cables from Monsieur "P," entreating me to oblige him by leaving for India, as this was to decide definitely whether he would continue or not with his business in that country. I decided to waive my holiday and I looked up the most expeditious route for Calcutta.

It will perhaps interest my readers to consult a map of Europe and Asia and follow my peripatetic, which commenced three months previous to my departure for India. Leaving Moscow, my first call was Rostoff on the Don, then in the following order: Armavia, Vladivostok, across the Caucasus Mountains by automobile, Tiflis, Baku, across the Caspian Sea, Krasnovodsk, Ashkabad, Merv, Bokhara, Samarkand, Khokand, and Tashkent, thence returning to Moscow via Karakum, Orenburg, Samara, Kagan. One day in Moscow, off to Warsaw, Vienna, Venice, Bologna, Brindisi on to the steamer Port Said, transhipping on to another steamer for Bombay, calling at Aden. At Bombay, enroute for Calcutta. Arriving in Calcutta I figured that I had covered so far 12,000 miles. After the unenviable existence in Turkestan and the constant traveling and changing I was not sorry to step on board the steamer at

Recording in Calcutta.

Brindisi; it was a mail boat and I intermingled with men (mostly army officers) who spoke my own language. We arrived at the most enjoyable trip at Port Said at 2 o'clock in the morning, and I transhipped on to the British mail steamer S. S. Arabia, bound for Bombay. Once again I

was with and amongst my own language and people and the voyage was therefore most pleasant.

Along the banks of the Suez Canal I had my first glimpse of the Arabs. I was immediately struck with their sensual, free-fell and almost effeminate faces. After twelve days from Brindisi we arrived outside Bombay on the first of July. It was pouring with rain (monsoon) and there was a heavy swell on which certainly did not improve matters, and my first impression of Bombay was vague.

Of Bombay I shall have more to say later, for my immediate departure for Calcutta prevented me seeing the town. I did, however, notice the Victoria Railway terminus, a magnificent structure voted to be the finest, architecturally, in the world. The traveling to Calcutta was comparatively fast, and the carriages extremely comfortable. The land is cultivated and fertile, and as the train passes the fields with the various natives of all castes working, presents a moving kaleidoscope of color.

My first impression of Calcutta was one of surprise at its enormity. Fine buildings, shops, roads, etc., all exceedingly clean.

It was not my intention to stay in India very

long, and of that I instructed our people, when I asked to hurry things up. I was informed, however, that the word hurry is not in the native vocabulary. I therefore had a rumor circulated that I should only stay a few days in each town; this had the necessary effect of stimulating them to movement and hustle.

My first artist was an amateur, who called at the recording room to fix a date. He stated that he preferred me to bring the machine and record at his own residence, and as he sang better at night, the most convenient hour would be 10 o'clock. To this the manager for our agent, who was present, immediately acquiesced, much to my surprise. On remonstrating with him over the matter, he informed me that it was customary to record at the house of a "gentleman" and usual, too, at night. I peremptorily informed both the manager and artist that I maintained a principle of never visiting the house of an artist to record unless the exigencies of the case made it absolutely imperative. Furthermore, during my stay in India, I should hold to that principle; and I did. The following day I commenced adjusting my diagrams to the room and the Indian climate.

My first artist was the amateur. He accom-

panied himself upon a diminutive harmonium; the left hand moving the bellows, the right hand playing the melody. There was a conspicuous absence of harmony in all the selections he sang, and I afterwards learned that harmony is unknown in India. All the accompaniment is with one hand playing of the harmonium, and chords are never used or understood.

There is also no Hindustani songs an absence of what is known and appreciated as melody in America. The singers appear to run up and down the harmonium ad lib, occasionally taking good

notes and hitting a few notes giving a sort of a rhythmic melody, I experienced greater difficulty in following the rhythm of these Hindustani songs than even the Cossack changes.

My next recording was an amateur, who was accompanied by the harmonium and the

verbal tum-tum. These instruments are very curious, for, although the playing of them appears to be perfectly simple, they are in reality extremely difficult. Before deciding definitely on a tum-tumist, our agent heard eight of the accredited players. It was many days before I could follow even to a small extent—how the tum-tum was supposed to accompany the singer, and I do confess that to this day I cannot fathom how it is possible to accurately accompany an Indian song on such an instrument.

The artist sings up and down the keyboard, and to my mind there are no laws, rhythm or tempo, yet the tum-tumist crescendo, stops, commences and synchronizes perfectly with the singing. It was and still is an enigma to me.

I can best describe the singing as a continual series of catenaries which the harmonium synchronizes with, whilst the tum-tum is giving out a continuous series of tappings, rising and sinking with the artist in a most mystifying manner.

At first I found it amusing and weird, but eventually began to follow the songs with keen enjoyment and appreciation. My next artist was a woman, of pretty face and features, small of stature with a slender and well-shaped figure, timid and strangely childish in her mannerisms. She wore a small gold ring in her nostrils. She was, in short, the quintessence of daintiness.

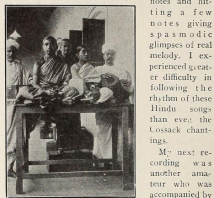
Her singing was similar to the previous artist, but very much lighter, prettier and sweeter; she was singing in Bengalee, and the continuous series of catenaries were most exhilarating and not too intricate to follow. She played the harmonium and was also accompanied by a tum-tum and joora.

The artist, unfortunately spoke no English, which was a pity, for our language from her lips must have been a pleasure.

A few days later I recorded the most expensive artist in India, Miss Cohan Jan, of Calcutta; we were compelled to pay the sum of £400 (\$2,000) for sixteen songs. She was able to sing in several languages, it was for that reason we paid her big money. Although in no way comparing with the charming artist who I had previously recorded, she was the most popular, and therefore the difference in fees was justified. The first and best voice, I had paid but £40 for eight titles, sung in Bengalee. Miss Cohan Jan had sung in Hindustani, Telugu and Persian.

Miss Jan was in the habit of singing for the rich Indian Princes, and at the weddings of rich merchants, and her fees averaged \$1,000 to \$2,000 per diem.

She is also the recipient of various kinds of jewels from her admirers, who lavish money and

Girl Duetists in Bengal.

valued tum-tum. These instruments are very curious, for, although the playing of them appears to be perfectly simple, they are in reality extremely difficult. Before deciding definitely on a tum-tumist, our agent heard eight of the accredited players. It was many days before I could follow even to a small extent—how the tum-tum was supposed to accompany the singer, and I do confess that to this day I cannot fathom how it is possible to accurately accompany an Indian song on such an instrument.

The artist sings up and down the keyboard, and to my mind there are no laws, rhythm or tempo, yet the tum-tumist crescendo, stops, commences and synchronizes perfectly with the singing. It was and still is an enigma to me.

I can best describe the singing as a continual series of catenaries which the harmonium synchronizes with, whilst the tum-tum is giving out a continuous series of tappings, rising and sinking with the artist in a most mystifying manner.

At first I found it amusing and weird, but eventually began to follow the songs with keen enjoyment and appreciation. My next artist was a woman, of pretty face and features, small of stature with a slender and well-shaped figure, timid and strangely childish in her mannerisms. She wore a small gold ring in her nostrils. She was, in short, the quintessence of daintiness.

Her singing was similar to the previous artist, but very much lighter, prettier and sweeter; she was singing in Bengalee, and the continuous series of catenaries were most exhilarating and not too intricate to follow. She played the harmonium and was also accompanied by a tum-tum and joora.

The artist, unfortunately spoke no English, which was a pity, for our language from her lips must have been a pleasure.

A few days later I recorded the most expensive artist in India, Miss Cohan Jan, of Calcutta; we were compelled to pay the sum of £400 (\$2,000) for sixteen songs. She was able to sing in several languages, it was for that reason we paid her big money. Although in no way comparing with the charming artist who I had previously recorded, she was the most popular, and therefore the difference in fees was justified. The first and best voice, I had paid but £40 for eight titles, sung in Bengalee. Miss Cohan Jan had sung in Hindustani, Telugu and Persian.

Miss Jan was in the habit of singing for the rich Indian Princes, and at the weddings of rich merchants, and her fees averaged \$1,000 to \$2,000 per diem.

She is also the recipient of various kinds of jewels from her admirers, who lavish money and

of that danger and had hidden my money, together with revolver, under my saddle. (In the sweating heat of the Caucasus in June even a revolver is heavy.) I was accompanied by an interpreter. After having been but an hour on our journey we were actually held up by a party of Tschetchens, who robbed us. Finding practically no money upon me, they became incensed and seemed to doubt whether I should be thrown over the precipice, 3,000 feet below, captured and ransomed. They then suddenly drew away to confer out of the hearing of the interpreter, and I seized the chance of escape. As they were pushing happened mounted my horse with the intention of riding past them, but they had already retreated and at this moment my hands were full with my horse which had commenced prancing in a most comical manner and was backing slowly towards the edge of the precipice. I did my best to pull her round but without success, and I was just in time to throw myself off as she went hurtling over to positive destruction on 3,000 feet below. I had lost a horse, 2,000 roubles in money, and my day book.

On looking around for our friend, the enemy, they had disappeared, so also had the interpreter. I slept that night in the mountains and continued my journey in the morning. After five hours' tramping I was feeling very fatigued and fortunately met a business agent, by which I made understood that I wanted a little food. He gave me a little Armenian bread and a few herbs, which was my first food for twenty-four hours. After another hour's tramp I met a posse of Cossacks accompanied by my interpreter, who, when he saw me, commenced weeping with joy, for he told me that when the horse fell over he believed I had also gone. He was returning to the Caucasus to punish the Tschetchens, who he said were slandering all knives into their sheaths, and confiscating all the arms and the Cossack roubles for having. Two days later I received back my 2,000 roubles which a police search party had found. In after visits I always carried back by two Cossack guards.

In the Caucasus mountains the talker can be heard in every one of the multitudes of villages; the records are played unceasingly and are therefore soon worn out, causing a result which is not particularly pleasing to other than the Cossacks themselves who will never buy another record of the same title until one is actually broken. Even then they retain the pieces and in some cases decorate their huts with them. There is a fair amount of business done in the Caucasus; there is a population of seven millions and there are more million Russian people. The talking machine is the only means of amusement and therefore is in demand. My next little adventure on this tour was across the Caspian Sea. My machine in this case was for recording on very large cylinders. (The cylinders are afterwards duplicated onto the wax disc and manufactured in the usual way.)

At Baku all my personal baggage was scrutinized and permission and photograph demanded for carrying a gun. On board the vessel was a company of Russian soldiers with fixed bayonets (there were only nine passengers, four army men, two Russian merchants, a German, myself and interpreter) which made the passengers (other than the Russian officers) feel anxious.

It appeared that there had been a considerable amount of ammunition taken into Turkestan by way of the Caspian Sea from Baku, but why on earth they deemed it necessary for the men to fix bayonets is still an enigma to me. Just outside the miserable mud town of Krasnovodsk, the custom and police officers came aboard to examine all heavy baggage. All went well until I endeavored to explain the recording machine to avoid the necessity of opening it. I merely succeeded in aggravating their (already obvious) suspicion of my explanation of the "cylinder" and they ordered me to open the cases immediately. When I had opened two, the framework and the motor. I was getting rather warm and told them I must go downstairs to have a drink before I opened the machine case containing the manifold—a large cylindrical steel tube six inches in diameter and four-

teen inches long. They refused, but I insisted, and I was accompanied down to the saloon by an officer and two soldiers. That was the funniest drink I ever had in my life. When I put my hand to my pocket for money they imagined I sought my gun and I found myself very nearly being ripped with bayonets. Then I received my drink and wishing the officer "good health," drank a little and lit a cigar. By this time the other officer was evidently getting anxious and came down to see if I was quite safe. I then returned to the deck and opened the case containing the manifold. When the police and army men saw it they involuntarily recoiled as though it was actually an internal machine. Seeing the amused expression on my countenance they regained their Russian seriousness and commenced to look very gingerly at the machine. Not any of those men had the least knowledge of a recording machine or what it might appear in shape, and I was placed under temporary arrest until the Governor of the town arrived. By this time I and my interpreter were almost in hysterics with the manner in which these Russians were being fooled.

No one was allowed to land and it was three hours before the Governor arrived. He was an intelligent man and spoke English. He ignored all the malicious suggestions of his officers (possibly he had seen my pictures) and accompanied me and politely asked me in English, "Will you please explain what machine you have here?" I explained accordingly and he immediately understood, and with an apology for detaining me, said, "We have been experiencing considerable trouble with gun-runners and have been holed, wounded at every point, my men are therefore inclined to be incredulous of explanations of almost any type of machinery."

I was invited to lunch with him, which I gladly accepted. For I afterwards discovered that in Krasnovodsk there is no hotel restaurant or any other place where one is able to obtain food, other than the station buffet where it was possible to secure hot beer, old apples and stale ham. (To be continued next month.)

MUST GIVE EQUIVALENT.

Every dollar of the world's wealth is acquired through physical labor. Someone has to produce it by the sweat of his brow. When we take any part of this wealth from the world's store, we can rightfully do so only by giving some equivalent. That equivalent may be of a spiritual, mental or physical nature; yet because we give the equivalent we are entitled to what we receive.

IN the clinches you can rely upon the Ditson Victor Service. Profits are contingent upon our fast work—and we know it.

STOP saying to your customers: "We haven't got it," because you can get it from **DITSON.**

FAST Victor service is our aim and that we hit the mark is proved in our rapidly growing clientele of dealers.

Oliver Ditson Company, Boston, Mass.

MILLIONS IN "MOVIES."

Fatrons Turn in \$300,000,000 Nickels in the Course of a Year.

Chairman Frank A. Tidmore, of the First International Exhibition of Moving Picture Arts, which was held at Grand Central Palace, the week of July 7, completed exhibiting, recently, moving picture statistics. He finds that 6,280,000,000 nickels are paid yearly for admission by moving picture patrons.

Statistics are given to show a decrease in season licenses in some of the smaller cities, directly attributable to the "movies." These statistics are illustrated by a moving picture called "The Shaking Dandelion," in which a monster dandelion is made by means of trick photography to decrease in size while at the same time a moving picture theater grows from a sap to one of normal proportions.

ACKNOWLEDGE BERLINER PATENT.

Bergl & Knuch, who conduct a talking machine business in Regina, Saskatchewan, making a specialty of foreign machines and disc records, were recently notified by the solicitors of the Berliner Gramophone Co. to desist from handling talking machine records of a foreign brand, which they claimed were infringements of the Berliner patents Nos. 555,979 and 103,332. As a result a formal understanding and accounting was requested, which, with the costs incurred, have been given to the offending parties as follows:

In the Supreme Court of Saskatchewan, Judicial District of Regina, between the Berliner Gramophone Co., Ltd., plaintiff, and Jos. Bergl and Francis X. Knuch, defendants.

"We, Joseph Bergl and Francis X. Knuch, carrying on business under the firm name and style of Bergl & Knuch at Regina, Sask., the above-named defendants, hereby admit, so far as we are concerned, the validity of letters patent of Canada No. 555,979 and No. 103,332, and that same are in full force and effect."

To the donor and more careful study of merchandising by advertisers is due the phenomenal growth of newspaper advertising.—Bleeding News-hold, of Washington Star.

ЗАПИСЬ АРТИСТОВ ВСЕХ КАСТОВ ИНДИИ

Калькутта, Мадрас и Бомбей - Экспедиция по записи более 12 000 миль, записывая только восточных артистов - интереснейший опыт в далеких странах.

Автор Т. Дж. Теобальд Нобл, выдающийся европейский звукорежиссер говорящих машин.

Находясь в Туркестане (Центральная Азия), я получал телеграмму следующего содержания: «Не окажете ли вы услугу компании, отправившись из Ташкента в Калькутту? Очень важно, чтобы вы добрались до Калькутты вовремя, чтобы успеть записаться на рынок в этом сезоне. Закажите билет из Ташкента прямо в Калькутту; это

лучше, чем возвращаться в Европу и высаживаться только в Марселе или Лондоне».

Подчеркнуто мной, ибо достаточно обратиться к карте (физической) Азии, чтобы понять, насколько невозможно и нелепо такое предложение.

Фото 1. Запись в Ружамас, Мадрас.

Я ответил отправителю (американцу, как ни странно): «Пришлите «Щепелин», и я рискну», а затем отправил еще одну телеграмму, в которой сообщил, что возвращаюсь в Москву, чтобы отдохнуть после записи на такой территории, как Туркестан, где еще нет даже грубых форм цивилизации, подобных тем, что встречаются в Западной Африке.

По прибытии в Москву я получил телеграммы от месье «П.», в которых он умолял меня оказать ему услугу,

отправившись в Индию, так как это должно было окончательно решить, будет ли он продолжать или не будет вести свои дела в этой стране. Я решил отказаться от отпуска и поискал наиболее подходящий маршрут до Калькутты.

Возможно, моим читателям будет интересно ознакомиться с картой Европы и Азии и проследить за моими перипетиями, которые начались за три месяца до моего отъезда в Индию. Выехав из Москвы, я первым делом заехал в Ростов на Дону, затем в следующем порядке: Армавир, Владикавказ, через Кавказские горы на автомобиле, Тифлис, Баку, через Каспийское море, Каспийск, Ашхабад, Мерв, Бухару, Самарканд, Хоканд и Ташкент, затем возвращение в Москву через Казалинск, Оренбург, Самару, Казань. Один день в Москве, затем Варшава, Вена, Венеция, Болонья, Бриндизи, пересадка на пароход в Порт-Саиде, перевалка на другой пароход в Бомбее, заход в Аден. В Бом-

бее пересадка на пароход до Калькутты. Прибыв в Калькутту, я подсчитал, что к настоящему времени преодолел 12 000 миль. После незавидного существования в Туркестане, постоянных переездов и перемен я не пожалел, что взошел на борт парохода в Бриндизи; это был почтовый пароход, и я смешался с людьми (в основном с армейскими офицерами), которые говорили на моем родном языке. После приятного путешествия мы прибыли в Порт-Саид в два часа ночи, и я пересел на британский почтовый пароход S. S. Arabia, направлявшийся в Бомбей. Я снова с родным языком и народом, и поэтому путешествие было очень приятным.

На берегу Суэцкого канала я впервые увидел арабов. Меня сразу же поразили их чувственные, коварные и почти злобные лица. После двенадцати дней пути из Бриндизи мы прибыли в Бомбей первого июля. Шел дождь (муссон), дул сильный шквал, что, конечно, не способствовало улучшению ситуации, и мое первое впечатление от Бомбея было смутным.

О Бомбее я расскажу позже, так как мой немедленный отъезд в Калькутту не позволил мне увидеть город. Однако я заметил железнодорожный вокзал Виктория - великолепное сооружение, признанное лучшим в мире в архитектурном отношении.

Поездка в Калькутту была сравнительно быстрой, а вагоны - чрезвычайно комфортабельными. Земля возделана и плодородна, и когда поезд проезжает мимо полей с работающими на них туземцами всех каст, представляется трогательный калейдоскоп красок.

Мое первое впечатление от Калькутты - удивление от ее огромности. Прекрасные здания, магазины, дороги и т. д., все очень чистое.

Я не собирался оставаться в Индии очень долго, и об этом я проинструктировал наших людей, которых я попросил поторопиться. Однако мне сообщили, что слово «спешка» не входит в лексикон туземцев. Поэтому я пустил слух, что должен пробыть в каждом городе всего несколько дней; это произвело необходимый эффект, побудив их к движению и суете.

Первым моим артистом был любитель, который позвонил в комнату звукозаписи, чтобы назначить дату. Он заявил, что предпочитает, чтобы

я привез аппарат и пластинку к нему домой, а так как он лучше поет ночью, то наиболее удобным часом будет 10 часов. Присутствовавший при этом менеджер нашего агента, к моему удивлению, немедленно согласился. В ответ на мои возражения он сообщил мне, что записываться в доме «джентльмена» - обычное дело, причем ночью. Я императивно сообщил менеджеру, и артисту, что придерживаюсь принципа никогда не посещать дом артиста для записи, за исключением случаев, когда это абсолютно необходимо. Более того, во время моего пребывания в Индии я должен придерживаться этого принципа; и я его придерживался. На следующий день я начал приспосабливать свои мембраны к помещению и индийскому климату.

Первым моим артистом был любитель. Он аккомпанировал на уменьшенной фисгармонии, левая рука двигала меха, правая играла мелодию. Во всех исполняемых им произведениях заметно отсутствие гармонии, и впоследствии я узнал, что гармония в Индии неизвестна. Все аккомпанементы исполняются одной рукой на фисгармонии, а аккорды никогда не используются и не понимаются.

В песнях хиндустани также отсутствует то, что в Америке известно и ценится как мелодия. Кажется, что певцы бегают вверх и вниз по гармонии *ad lib*, изредка беря хорошие ноты и ударяя по нескольким нотам, давая спазматические проблески настоящей мелодии. Мне было гораздо труднее уловить ритм этих индуистских песен, чем даже казачьих песнопений.

Следующей моей записью был другой амар теур, которому аккомпанировали фисгармония и пресловутый тум-тум. Эти инструменты очень любопытны, поскольку, несмотря на кажущуюся простоту игры на них, на самом деле они чрезвычайно сложны. Прежде чем окончательно определиться с выбором тум-тумиста, наш агент прослушал восемь аккредитованных игроков. Прошло много дней, прежде чем я смог хоть в малой степени понять, как тум-тум должен сопровождать певца, и, признаюсь, до сих пор не могу понять, как можно точно аккомпанировать индийской песне на таком инструменте.

Исполнитель поет вверх и вниз по

клавиатуре, и, на мой взгляд, здесь нет ни тактов, ни ритма, ни темпа, однако тум-тумист крещендирует, оставаясь, начинает и синхронизируется с пением. Для меня это было и остается загадкой.

Лучше всего я могу описать пение как непрерывную серию каденций, с которыми синхронизируется фисгармония, в то время как тум-тум выдает непрерывную серию постукиваний, поднимаясь и опускаясь вместе с исполнителем самым загадочным образом.

Поначалу я находил это немusыкальным и странным, но со временем начал следить за песнями с большим удовольствием и благодарностью. Следующей моей артисткой была женщина; с красивым лицом и чертами, небольшого роста, со стройной и хорошо сложенной фигурой, робкая и странно детская в своих манерах. В ноздрях она носила маленькое золотое кольцо. Одним словом, она была квинтэссенцией изящества.

Ее пение было похоже на пение предыдущей артистки, но гораздо легче, красивее и слаще; она пела на бенгальском языке, и непрерывные серии каденций были очень захватывающими и не слишком сложными для исполнения. Она играла на фисгармонии, а также аккомпанировала себе на тум-туме и джуре.

Артистка, к сожалению, не говорила по-английски, что очень жаль, ведь наш язык из ее уст, должно быть, доставлял удовольствие.

Через несколько дней я записал самую дорогую артистку в Индии, мисс Кохар Джан из Калькутты; мы были вынуждены заплатить 400 фунтов стерлингов (2000 долларов) за шестнадцать песен. Она умела петь на нескольких языках, и именно за это мы заплатили ей большие деньги. Хотя она ни в какое сравнение не шла с очаровательной артисткой, которую я записывал ранее, она была самой популярной, и поэтому разница в гонорах была оправдана. За восемь песен, исполненных на бенгальском языке, я заплатил всего 40 фунтов стерлингов. Мисс Кохар Джан пела на хиндустани, телегу и персидском.

Мисс Джан имела привычку петь для богатых индийских принцев и на свадьбах богатых купцов, и ее гонорары составляли в среднем от 1000 до 2000 долларов в день.

Она также получает различные драгоценности от своих поклонников, которые щедро одаривают ее деньгами и подарки на ней в удивительной степени. Ей сопровождали ее собственные люди на вертушке, фисгармонии и скрипке. На ударном инструменте играют так же, как плотник пилит.

Она вечно жевала пресловутый индийский *betal-nut**, и в обязанности одного из ее многочисленной свиты входило носить с собой большую медную «плевательницу», в которую, прежде чем начать петь, она отхаркивалась. Это была тошнотворная процедура, но ее неуклонно соблюдали все другие артисты Индии. Мисс Джан обладала необыкновенным контролем над пальцами ног и, чтобы нас позабавить, часто отбивала ими время, не считая того, что все пальцы были украшены различными безделушками. Ее менеджер сообщил нам, что драгоценности, которые она носила, имели внутреннюю стоимость в полтора лакха рупий (почти пятьдесят тысяч долларов). Во время записи артисток возник важный кастовый вопрос, который на некоторое время задержал нас. Как и в Туркестане, все женщины-артистки рассматриваются как проститутки, а значит, не имеют кастовой принадлежности. Возникает любопытное положение, что уважаемому человеку запрещено прикасаться, разговаривать или вести дела с одной из этих так называемых некастовых женщин. Наш брокер, мистер Боуз, человек, пользующийся большим уважением в Калькутте, сообщил нам, что он не может присутствовать, как и его менеджер, в результате чего мы оказались в затруднении, как поступить, поскольку ни наш представитель, ни я не могли критиковать пение, поэтому было совершенно необходимо, чтобы присутствовал какой-нибудь «респектабельный» человек. После дня задержки выяснилось, что, пока никто из посторонних не знает о встрече, а уважаемый человек просто переводит, все будет в порядке. Могу добавить, что несколько «уважаемых индейцев» воспользовались этим и присутствовали по приглашению управляющего. Настолько, что я был вынужден обидеться на менеджера, сказав ему, что не пускаю друзей в комнату звукозаписи.

О кастовом вопросе уже написаны книги, и поэтому я не собираюсь писать о его неясности, а лишь приведу

несколько примеров из своего личного опыта, с которым я столкнулся при записи представителей разных каст.

Примерно в это время я записал человека, который играл на двух инструментах, похожих на уменьшенные кларнеты, «своим горлом». Они располагались по обе стороны от горла, и музыка, которая исходила от них, была сравнительно громкой. Человек, очевидно, полностью контролировал мышцы своего горла, эти мышцы действовали как воспроизводящая диафрагма. Расположив инструменты над определенным *рагі*, которым он мог управлять каким-то таинственным образом, он создавал музыку. Исполнение было жутким, странно «индейским». Пение женщин было гораздо интереснее, чем мужчин, причем всех без исключения. Как ни странно, любители были лучшими из мужчин, а профессионалы - лучшими из женщин.

Настоящие» дамы, как мне сообщили, поют только в своих домах. Я должен был записать «настоящую леди», но категорически отказался ехать для этого; кроме того, пришлось бы разбирать аппарат и чинить его заново, чтобы через пару часов снова разбирать и чинить его для обычной записи в Калькутте. И это для того, чтобы угодить прихоти туземной «леди» и признать верховенство нелепой и доисторической кастовой индиосинкразии. Я уже упоминал, что на диафрагмы влияют различные климатические и атмосферные условия. Я начал записывать с диафрагмами, изготовленными для Туркестана, но обнаружил, что они слишком чувствительны для использования в Калькутте, я попробовал свои европейские диафрагмы, но они оказались слишком жесткими, поэтому я изготовил ряд диафрагм, отвечающих потребностям индийского климата.

Все индийские артисты предпочитали сидеть во время пения, что создавало определенные трудности при наведении фокуса на рупора.

Записав 420 наименований в Калькутте, я отправился в Мадрас, чтобы записать артистов Канаре. О Мадрасе мне придется написать немного, поскольку сразу по прибытии я заболел малярийной лихорадкой и пролежал в постели три недели, после чего отправился в город Бангалор, чтобы восстановить силы и, кстати, сделать несколько записей.

Когда я выздоравливал, мы столкнулись со значительными трудностями в получении комнаты для записи, так как отель был переполнен, а других зданий поблизости со свободными комнатами не было. В конце концов мы были вынуждены записываться в большом здании, которое служило домом отдыха для местных нищих. Каменное здание, полное каменных комнат без мебели - к счастью, туземцев в нем было немного.

Канарское пение и песни было намного легче, чем индусское, и в них был более выраженный ритм. Здесь я записал свой единственный дуэт - двух сестер, чье пение было очень приятным, а мелодии - легкими. Они поддерживали время, ударяя руками по коленям. Как обычно, им сопровождали фисгармония и тум-тум. Девочки были совсем юными, и их оберегали родители; они никогда не выпускали их из виду, так как хотели заработать на них и пением, и проституцией. Девушки, как мне сообщили, знали о том, что их ждет, и, похоже, смирились со своей участью. Мне посчастливилось сфотографировать девочек вместе с родителями и аккомпаниатором в позиции перед рупорами.

Нам посчастливилось заполучить еще одну индианку, которая пела на канарском языке, и хотя мы несколько дней мучились над ценой, мы ее заполучили. О ней мало что можно сказать, кроме того, что она обладала голосом, таким же большим и мощным, как и она сама; рост пять футов десять дюймов, великолепная фигура, самая высокая индианка, которую я встречал. На фотографии видна маленькая домашняя собачка, которую она держит на руках. Запись пения канарезов показалась мне простой, и я не пожалел, так как был еще очень слаб от лихорадки. Записав в Бангалоре 40 наименований, мы отправились в Мадрас.

{Продолжение следует в следующем месяце}.

*Орех бетала жуют вместе с порошком, от которого во рту появляется пунцовое пятно, придающее зубам и губам особенно неприятный вид.

<https://archive.org/details/talkingmachinewoo9bill/page/n207/mode/2up>

(from: The Talking Machine World, 9(4): 32-33 от 15 апреля 1913)

RECORDING ARTISTS OF ALL CASTES IN INDIA

Calcutta, Madras and Banputia. Expedition Over 12,000 Miles, Recording Only Oriental Artists—A Most Interesting Experience in Far Off Lands.

By T. J. THEOBALD NOBLE, a Prominent European Talking Machine Recorder.

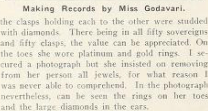
The weather was so oppressively hot in Madras that I was compelled to record with only my pajamas on, and those of the tamest silk obtainable. I was to record only native artists, and there was no fear of "shocking" their modesty.

Of the artists, I will mention but one; the one that I had come to Madras to record, Miss Godavari, the first artist in the Tamil language. She was this woman's house for the purpose of discussing terms (this is always a tedious and wearying business). The house was a great surprise, for the interior was constructed of marble and a faint glimmer of a blue-shaded light cast an interesting and warm sensation over the interior that was at once fascinating and selective. It was presented to her by an admirer and had cost Indian rupees (\$60,000). We were compelled to pay two visits before ultimately coming to terms. We secured her for sixteen titles for the sum of 300 rupees per song. I may add that she held out consistently for two days for 300 rupees per record.

The trouble we discovered was through the agents, who are a most arbitrary set of men. They persuade most of the artists to ask for more in order to swell their commission and at the same time advise in such such a price as usual for a particular artist.

She came to the hotel to record, accompanied by a retinue of seven servants, including two accompanists. One of the instruments for accompanying was the most extraordinary musical (?) instrument I should imagine, in the world; it is best described as a large, earthenware pot, which is held in the lap of a man who plays it by beating a series of taps on the periphery, certain parts of which give out various tones. (This was not perceptible to the writer.) The accompanist's fingers have to be particularly hard and dexterous for to continually beat on such a hard surface sufficiently loud for recording purposes requires an appreciable amount of strength and address. A clearer impression can be observed in the photograph.

The other accompanist was a young girl playing the harmonium, while the artist herself was playing another instrument bejeweled in most elaborate fashion. The instrument was valued at 12,000 rupees (\$1800). She was covered with gold and precious stones of great value. It was for the express purpose of guarding these jewels that she possessed a guard of four men. An Indian artist by-the-by, invariably does her finest jewelry in the presence of a white. Round her throat she wore a necklace of English sovereigns.

Making Records by Miss Godavari.

The clasp holding each of the other were studded with diamonds. There being in all fifty sovereigns and fifty clasp, the value can be appreciated. On the two sides were platinum and gold rings. I secured a photograph but she insisted on removing from her person all jewels, for what reason I was never able to comprehend. The photograph, nevertheless, can be seen the rings on her toes and the large diamonds in the ears.

She sang exceptionally well, her high cadences being particularly loud and clear, which is always a great necessity and advantage for recording.

It may be interesting to state here that the broker present was so enraptured with the singing that he immediately ordered three thousand

each title. She, herself, ordering from the broker, fifty of each title for distribution amongst her friends. Having made records before, she was little troubled and in fact, was a great assistance, for it was that instructed the accompanists exactly what to do and where to sit, explaining to me that the position in which she placed the men was the best position, for the so-and-so company had already experimented with the placing and had lost two days before ultimately succeeding. I therefore left it to her and the result proved eminently satisfactory.

After having recorded Godavari, I visited another woman at her home in the native quarter of Madras, but this time the house was not constructed of marble. In the worst part of the town we were compelled to climb a flight of stairs into a dirty, evil-smelling room, where one or two men were squatting, smoking and talking, which at our approach diminished into murmurs of surprise. We were conducted through the room

Mahomedan Priest, Bombay.

into another (certainly cleaner), where sitting on the floor was the artist. With her were two Indians with distinctly fanatic faces, who regarded us with insolent glances which seemed to utter "We own this female, don't touch her with-out first displaying your gold." We started our lassies and they were a little more agreeable and required less vindictive commentaries.

We listened to the young girl sing a couple of songs, and found her voice sufficiently good for recording. We accordingly arranged terms; not with the artist, however, but with the men who were apparently her body guard, with the emphasis on the body.

The girl was retained by the men as a business proposition, and she was compelled to obey all their desires and instructions, as regards singing and otherwise. She was not sixteen years of age, with a perfect figure, large sympathetic eyes and a charm of manner.

The following morning she arrived at the hotel, accompanied by her two guards and accompanists. The former, I immediately dismissed from the recording room and out of the hotel, bidding them return after three hours for their charge.

During the recording she regained her vivacity and sang with appreciable amount of enthusiasm, and appeared to wish the recording would continue for time indefinite. She leaped as not to give her feet to the men in full but to tender but half, and with the other boy bracelets and trinkets. A proposition in which we readily acquiesced.

I afterwards learned that the Indians were informed against us for being the leeches, for they only received half the amount they anticipated. They dare not strike or ill-treat the girl,

for they were cunning enough to conceive that under such circumstances the poor girl's attractions would immediately disappear. I often think of and pity that poor little Indian girl in Madras. I have returned to beautiful Bombay for the final recording. My first duty was to visit the native theatre, in order to be the artist of most importance, a Miss Colar, of Bombay. To my surprise, I afterwards learned that there was but one female in the performance and that was Miss Colar, the two female parts were played by young men, and the difference was imperceptible to the uninitiated.

Miss Colar is the most beautiful of all the Indian artists, and her voice the sweetest, but unfortunately the latter is very weak and I was a little dubious as to whether a commercial record could be secured. I constructed specially sensitive diaphragms and succeeded in obtaining a number of satisfactory commercial records. She was intensely nervous, and it was over an hour before she regained her self-possession after first hearing her voice reproduced.

As with most Indian women, she was reserved, (timid and exceedingly shy), was the wife of a prosperous Bombay merchant, and has one son. The theater is her own concern and is filled every night of the year. She spoke English in a manner which made our language appear strange, musical and fascinating. (This artist was the first I had recorded in India that was not ostracized socially.)

I next recorded a Mohammedan priest; he recited a number of verses from the Koran, with much feeling, and made a very clear, fine record. An incident illustrating the depth of the Eastern mind is worth recalling. The priest, being short of stature, it was necessary to requisition a few books for him to stand on. To my surprise, he apologetically refused, and gave for his reason one of the multitudes of commandments in the Mohammedan decalogue, "It is a sin to look involuntarily or treat with contempt knowledge in all forms." I was amazed, but who cannot appreciate such wonderful tribute to knowledge?

A Part orchestra was my next recording. It was constituted of three dilapidated clarinets, two split cornets, a flute which had been broken and repaired with glue, and a number of other antiquity, tone and shape, that I am inclined to believe it to be the original ancestor of the trombone family which originated in the East. During the recording she regained her vivacity and sang with appreciable amount of enthusiasm, and appeared to wish the recording would continue for time indefinite. She leaped as not to give her feet to the men in full but to tender but half, and with the other boy bracelets and trinkets. A proposition in which we readily acquiesced.

The next day I received a similar worrying greeting, which, nevertheless, has caused considerable since. I was to record an artist four songs and anticipated in getting to him in an hour or so. After giving cash to the man to whom to finish, also when to commence, explanations which occupied fully fifteen minutes, I began to roam to parties in a hub in a world of intense perfectly correct, but after a minute's singing, would suddenly stop and shout across the horn, "It's that enough!" Another time, just after the start, he stopped and asked: "What is the hissing noise I can hear?" Again halfway through

another record he exclaimed: "Did you say four or five verses?"—and then he attempted to continue. I eventually succeeded in obtaining the four records of him in three hours, and spoiled fifteen master blanks in the attainment.

His inability was so provoking that I actually threw a record at him. It was at the third attempt of his third song, and he was within half a minute of the finish, when he again stopped and with a most tantalizing staidness, observed, "I shall not sing the last verse, I may make a too long." (We had already timed it five times. In momentary disgust I threw the record at his feet, smashing it into a hundred pieces. Strange to say, it had a most exhilarating effect, for he made the next record perfectly and the fourth song at his first attempt. Possibly he thought if he committed another mistake the record would be thrown higher up. In Bombay, other than Miss Colar, there was no one of note, but she was compensation for all. Her beautiful voice was fascinating and I believe she would prove interesting to an American audience, as did Miss Jan, of Calcutta prove to a London audience in 1900.

I experienced the same trouble in India as in Turkey, with mercenary artists, who daily and dillydally around for days over their fees.

The usual custom is to fix a price, they (the artists) then leave and the following morning send word that their price is so much, generally twice the amount you have virtually agreed on. You naturally refuse and they will send another message in the afternoon reducing their price some what, again you refuse, and once again they reduce until they ultimately arrive at the recording room and without speaking, commence to make preparations for recording at your price. Halfway through the numbers they will again commence asking for more money. A more arbitrary and perverse man of business than an Indian would be hard to find, and if found, would certainly be in the Orient.

After having recorded approximately 800 records, I left India for Paris on the ill-fated steamship, the Ocean.

During my stay I often witnessed curious happenings, examples of caste distinctions, religious customs and funeral rites. Of these, I will write in my next and last article, together with one or two incidents, among other things, which happened to me in recording in Europe, Caucasus and Turkey. I shall also outline the expenses during the whole of my recording for the last three years, artists fees, wages used and persons met.

(To be continued next month.)

Mr. Dealer!

MUSIC MASTER
Solid Wood Horn

Endorsed
"The Best"
By Experts

The Music Master

is not built merely to win buyers, it is built to win friends—well satisfied friends who will be glad in years to come that they have one.

"Tone"—its meaning is not worn out. It is just now coming to carry its full meaning.

Every Horn Guaranteed.

For samples write us.

SHEIP & VANDEGRIFT, Inc.
PHILADELPHIA, PA.

TO DEAL IN TALKING PICTURES.

(Special to The Talking Machine World.)

Winnington, Ind., May 9, 1913.

The Webb Talking Picture Co., of this city, has been incorporated with capital stock of \$50,000.00 for the purpose of manufacturing, selling, distributing, leasing and renting all kinds of machines for vibration of sound, either vocal or instrumental. The incorporators are: S. S. Adams, J. E. Johnson, G. Gray and M. B. F. Hawkins, all of Winnington.

SELF-SATISFACTION A HINDRANCE.

Means That the Possessor Has Gotten into a Flat That Prevents Progress.

There are several characteristics in men that run directly counter to success, but it is doubtful if there is any trait in human nature that stands out so conspicuously as the enemy to everything that is naturally progressive as the condition of being self-satisfaction that so many persons assume. Once fitted firmly into this position in life

there is no hope that they will ever be able to do anything that is really worth doing. They have got themselves into a rut from which it is practically impossible for them to extricate themselves, and like the dead bugs in amber that they are, they must remain in the quarters they have chosen for themselves until some more energetic fellow comes along and digs them out.

PARCELS BY POST C. O. D.

(Special to The Talking Machine World.)

Washington, D. C., May 10, 1913.

Postmaster General Barlow is at work on a plan for improving the parcel post system by establishing July 1 a collect-on-delivery service. This, it is believed, will mean tremendous increase of business, especially on rural routes. Farmers everywhere, as shown by hundreds of letters coming to Mr. Barlow, are anxious to make greater use of the parcel post service. At present the use of the parcel post is far greater in the cities than in the country.

Since the installation of the parcel post the Post Office Department has had 300,000 sets of zone maps and rate books printed to satisfy the demand.

Погода в Мадрасе была настолько гнетуще жаркой, что я был вынужден записываться в одной лишь пижаме, причем из самого тонкого шелка, который только можно было достать. Мне предстояло записывать только местных артистов, и я не боялся «шокировать» их скромностью.

Из артистов я упомянул только одного, того, ради которого я приехал в Мадрас. Мисс Годавари, первая исполнительница на тамульском языке. Мы посетили дом этой женщины, чтобы обсудить условия (это всегда утомительное и хлопотное занятие). Дом удивил нас, так как был построен из мрамора, а слабое мерцание голубоватого света создавало интересное и теплое ощущение, которое одновременно завораживало и соблазняло. Он был подарен ей поклонником и стоил 180 000 рупий (60 000 долларов). Мы были вынуждены нанести два визита, прежде чем пришли к соглашению. Мы договорились с ней о шестнадцати названиях по цене 300 рупий* за песню. Могу добавить, что она упорно

сопротивлялась в течение двух дней по цене 900 рупий за пластинку.

Проблемы, которые мы обнаружили, связаны с агентами, которые представляют собой весьма своеобразный набор людей. Они убеждают большинство артистов просить большие гонорары, чтобы раздуть свои комиссионные, и в то же время советуют нам, что такая-то цена является обычной для конкретного артиста.

Она приехала в отель записываться в сопровождении свиты из семи слуг, включая двух аккомпаниаторов. Одним из инструментов для аккомпанемента был самый необычный музыкальный (?) инструмент. Я полагаю, в мире; его лучше всего описать как большой фаянсовый горшок, который держит на коленях человек, играющий на нем, нанося серию ударов по периферии, определенные части которой выдают различные тона. (Пальцы аккомпаниатора должны быть особенно твердыми и ловкими, так как для того, чтобы постоянно бить по такой твердой поверхности достаточ-

но громко для целей записи, требуется заметная сила и ловкость. Более четкое впечатление можно получить на фотографии.

Другим аккомпаниатором была молодая девушка, игравшая на фисгармонии, а сама артистка играла на другом инструменте, украшенном драгоценными камнями самым тщательным образом. Инструмент оценивался в 12 000 рупий (\$4 000) — Она была покрыта золотом и драгоценными камнями огромной стоимости. Именно для охраны этих драгоценностей у нее была охрана из четырех человек. Между прочим, индийская артистка в присутствии белого неизменно надевает свои самые лучшие украшения. Вокруг горла она носила ожерелье из английских sovereignов, застёжки, крепящие одну к другой, были усыпаны бриллиантами. Всего было пятьдесят sovereignов и пятьдесят застёжек, так что стоимость можно оценить. На пальцах ног она носила платиновые и золотые кольца. Я попросил сфотографировать ее, но она

настояла на том, чтобы снять с себя все драгоценности, по какой причине, я так и не смог понять. На фотографии, тем не менее, видны кольца на пальцах ног и крупные бриллианты в ушах.

Она пела исключительно хорошо, ее высокие каденции были особенно громкими и четкими, что всегда является большой необходимостью и преимуществом для записи.

Интересно отметить, что присутствовавший при этом брокер был настолько очарован ее пением, что немедленно заказал три тысячи каждого наименования. Сама она заказала у брокера по пятьдесят штук каждого наименования для распространения среди своих друзей. Имея опыт записи пластинок, она не испытывала особых затруднений и, в сущности, очень помогла, поскольку именно она проинструктировала аккомпаниаторов, что именно им делать и где сидеть, объяснив мне, что позиция, в которой она разместила мужчин, является наилучшей, поскольку компания «Так-то и так-то» уже экспериментировала с размещением и потеряла два дня, прежде чем в конце концов добилась успеха. Поэтому я доверил это ей, и результат оказался вполне удовлетворительным.

Записав Годавари, я навестил другую женщину в ее доме в туземном квартале Мадраса, но на этот раз дом был построен не из мрамора. В худшей части города мы были вынуждены подняться по лестнице в грязную, дурно пахнущую комнату, где сидели на корточках один или два человека, курили и разговаривали, которые при нашем приближении стихли до удивленного ропота. Нас провели через комнату в другую (несомненно, более чистую), где на полу сидела певица. С ней были два индийца с дьявольскими и сатанинскими лицами, которые смотрели на нас недобрыми взглядами, как бы намекая: «Эта женщина принадлежит нам, не трогайте ее, не предьявив предварительно свое золото». Мы изложили им наши дела, и они стали немного сговорчивее и вновь обрели менее злопамятные лица.

Мы послушали, как девушка исполнила пару песен, и нашли ее голос достаточно хорошим для записи. Соответственно, мы договорились об условиях, но не с артисткой, а с мужчинами, которые, по всей видимости,

были ее телохранителями, причем с акцентом на тело.

Девушку взяли с собой мужчины в качестве делового предложения, и она была вынуждена подчиняться всем их желаниям и указаниям, как в отношении пения, так и в остальном. Ей было всего шестнадцать лет, у нее была идеальная фигура, большие участливые глаза и очаровательные манеры.

На следующее утро она прибыла в отель в сопровождении двух охранников и аккомпаниаторов. Первых она сразу же выпроводила из комнаты для записи и из отеля, велев им вернуться через три часа за своей платой.

Во время записи она вновь обрела бодрость и пела с заметным энтузиазмом, и, казалось, желала, чтобы запись продолжалась еще неопределенное время. Она умоляла нас не отдавать ее гонорар мужчинам полностью, а отдать только половину, а на остальные купить браслеты и безделушки. На это предложение мы с готовностью согласились.

Впоследствии я узнал, что индейцы были в ярости из-за того, что мы купили браслеты, ведь они получили лишь половину той суммы, на которую рассчитывали. Они не посмели ударить девушку или плохо с ней обращаться, ведь они были достаточно хитры, чтобы понять, что при таких обстоятельствах привлекательность бедной девушки сразу же исчезнет. Я часто думаю об этой бедной маленькой индийской девочке в Мадрасе и жалею ее.

Здесь я вернулся в прекрасный Бомбей, чтобы сделать последнюю запись. Первым моим долгом было посетить туземный театр, чтобы познакомиться с самой важной артисткой, мисс Кохар из Бомбея. К своему удивлению, впоследствии я узнал, что в спектакле была только одна женщина, и это была мисс Колар, остальные женские роли исполняли молодые мужчины, и разница была незаметна для непосвященных.

Мисс Кохар - самая красивая из всех индийских артисток, а ее голос - самый приятный, но, к сожалению, последний очень слаб, и я немного сомневался, что удастся добиться коммерческой записи. Я изготовил чувствительные диафрагмы и сумел получить несколько удовлетворительных коммерческих записей. Она

сильно нервничала, и прошло более часа, прежде чем она вновь обрела самообладание после того, как впервые услышала свой голос.

Как и большинство индийских женщин, она была сдержанной, робкой и очень изящной. Она была женой преуспевающего бомбейского торговца, и у нее есть один сын. Театр принадлежит ей и заполнен каждый вечер в году. Она говорила по-английски так, что наш язык казался ей необыкновенно музыкальным и завораживающим. (Эта артистка была первой, кого я записал в Индии и кто не подвергся социальному ostracismu).

Затем я записал магометанского священника; он продекламировал несколько стихов из Корана с большим чувством и сделал очень четкую, прекрасную запись.

Стоит вспомнить один случай, иллюстрирующий глубину восточного ума. Священник был невысокого роста, поэтому пришлось попросить у него несколько книг, чтобы он мог стоять. К моему удивлению, он извинительно отказался и назвал в качестве причины одну из многочисленных заповедей магометанского декалога: «Грех - смотреть недоброжелательно или относиться с презрением — «знание во всех формах». Я был поражен, но кто может не оценить такую прекрасную дань знанию?

Следующей моей записью стал оркестр парси. Он состоял из трех ветхих кларнетов, двух раздолбанных корнетов, флейты, которую сломали и починили с помощью клея, тромбона такой очевидной древности, тона и формы, что я склонен считать его предком семейства тромбонов, развлекавших «Ковчег». Барабаны, тум-тумы и колокольчики в изобилии. С их помощью они пытались исполнять туземную музыку. К счастью, неописуемую бойню и бессердечное массовое издевательство над музыкой, которую я был вынужден записать, можно лучше представить, чем описать, а еще лучше - вообще не слышать. Брокеры сообщили мне, что пластинки непременно продадутся, и я пошел вперед и сделал дюжину, после чего удалился в отель, чтобы принять ванну в тщетной попытке привести в порядок свое израненное музыкальное воображение.

На следующий день я получил такое же тревожное изнурительное за-

дание, которое, тем не менее, вызвало немало переживаний. Мне предстояло записать четыре песни одного артиста, и я рассчитывал управиться за час или около того. Дав тщательные указания, где закончить и когда начать, объяснения, которые заняли целых пятнадцать минут, я приступил к записи. Например, в одном случае он начинал совершенно правильно, но после минуты пения внезапно останавливался и кричал через рупор: «Достаточно?». В другой раз, сразу после начала, он остановился и спросил: «Что это за шипящий звук, который я слышу?» И снова на полпути на очередной записи он воскликнул: «Вы садж четыре или живые стихи?», и затем попытался продолжить, в итоге мне удалось получить от него четыре пластинки за три часа и испортить при этом пятнадцать мастер-болванок.

Его невоспитанность была настолько провокационной, что я фактически швырнул в него пластинку. Ил с третьей попытки исполнил третью песню Ins и был уже в полуминуте от финиша, когда снова остановился и с дразнящей тупостью заметил: «Я не буду петь последний куплет, он может получиться слишком длинным». (Мы уже засекали время пять раз. В мгновенном отвращении я швырнул восковую пластинку к его ногам, разбив ее на сотню кусочков. Странно сказать, но это произвело на него возбуждающий эффект, так как следу-

ющий тур он прошел идеально, а четвертую песню он исполнил с первой попытки. Возможно, он подумал, что если допустит еще одну ошибку, то пластинка будет подброшена выше. В Бомбее, кроме мисс Кохар, не было никого примечательного, но она была компенсацией для всех. Ее красивый голос завораживал, и я думаю, что она была бы интересна американской публике, как мисс Джан из Калькутты оказалась интересна лондонской публике в 1910 году.

В Индии я столкнулся с теми же проблемами, что и в Туркестане, - с наемными артистами, которые днями напролет болтают и мешкают, обсуждая свои гонорары.

Обычный обычай - назначить цену, они (артисты) уходят, а на следующее утро присылают сообщение, что их цена составляет столько-то, обычно вдвое больше, чем вы практически договорились. Вы, естественно, отказываетесь, и после обеда они присылают еще одно сообщение с некоторым снижением цены, вы снова отказываетесь, и они снова снижают, пока в конце концов не приходят в комнату звукозаписи и, не разговаривая, не начинают подготовку к записи по вашей цене. На полпути они снова начнут просить больше денег. Более произвольного и извращенного бизнесмена, чем индеец, трудно найти, а если и найти, то только на Востоке.

Записав около 850 записей, я уехал

из Индии в Париж на злополучном пароходе «Oceana»*

Во время моего пребывания здесь я часто становился свидетелем любопытных происшествий, примеров кастовых различий, религиозных обычаев и похоронных обрядов. Об этом я напишу в следующей и последней статье, вместе с одним или двумя происшествиями, забавными и иными, которые случились со мной во время записей в Европе, на Кавказе и в Туркестане. Я также изложу расходы за все время моих записей за последние три года, гонорары артистов, использованный воск и встреченные лица. (Продолжение будет в следующем месяце.)

*Лайнер «Oceana», как вы помните, столкнулся с другим судном и затонул в Ла-Манше в марте 1912 года. Он затонул с 3 750 000 долларов в слитках. Последний впоследствии был извлечен.

<https://archive.org/details/talkingmachinewo09bill/page/n279/mode/2up>

(from: The Talking Machine World, 9(5): 48-49 от 15 мая 1913 года)

ВНИМАНИЕ!!!

Автоматический перевод, по поводу ошибок пишите на почту.